

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Владимир ПРИВАЛОВ

ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК

Роман

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П75

Серия основана в 2004 году
Выпуск 714

Художник
И. Воронин

Привалов В.
П75 Почетный пленник: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-3062-8

Главный герой — молодой человек из нашего мира — срывается со скалы и попадает в тело сына правителя горной страны Дорчариан. Его отправляют в могущественную Империю, исполняя древнюю клятву, пока его брат-близнец в родном краю вынужден спасаться от кровных врагов. Другой мир, эпоха мечей и копий... Многоходовые интриги, тайны, верность и предательство...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3062-8

© Владимир Привалов, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ГЛАВА 1

Рыбалка не задалась с самого начала. Еще вчера прогноз погоды обещал восточный ветер, при котором в наших местах клевало всегда неважно. Утром прогноз подтвердился, но охота пуще неволи. Как известно, проведенное на рыбалке время в счет прожитого не идет.

Кастмастер, вертушки, джиг, быстрая проводка, медленная, с частыми остановками, простукивание дна результата не давали. Пусто, как в ванне. Ловля спиннингом с берега не так проста, как с лодки, — не везде можно закинуть, не всегда можно отцепить запутавшиеся снасти. Но зацепов не было, а настроение оставалось стабильно хорошим. Я настроился на отсутствие улова и тешил себя надеждой, что недавние августовские дожди пробудили грибницу. Тогда в паре укромных мест можно будет набрать лисичек. С такими мыслями и подошел к концу лова.

Красивое место — небольшой укромный песчаный пляж у подножия гладкой балтийской скалы. Старинный каменный пирс, на десяток метров уходящий в залив. Остров, берега которого поросли камышом, и протока между пирсом и островком. Когда-то пирс был опорой деревянного моста на остров, но дерево давно сгнило или было сожжено. По протоке изредка проносились моторки, поднимая волны, которые накатывали на пляж и затихали в камыше. Еще реже проходили яхты, на которых местные капитаны катали приезжих туристов. Места заповедные, красивые, те самые, где на камнях растут деревья. Карельский перешеек...

Туристы добирались и сюда, ставя палатки на пляже под скалой. Жители Северной столицы медитировали, купались голышом, напивались до изумления — в общем, кто как умел впитывали в себя красоту окружающей природы, оставляя на время городскую пыль и суету.

Сейчас пляж был пуст, и — что удивительно — чист, поэтому, «обстреляв» акваторию сначала с пирса, потом с пляжа, сделав последние забросы вдоль скалы, я сложил спиннинг и убрал его в рюкзак. Старенькая шимановская палка мне этим и нравилась: в сложенном состоянии она помещалась в рюкзак, оставляя свободными руки. А руки мне сейчас понадобятся.

По давней традиции я предпочитал не обходить скалу, углубляясь в лес, а лезть по скале вверх. Такое нарочитое мальчишество. То ли желание доказать себе, что порох в пороховницах есть, то ли жажда малой порции адреналина. Или потребность почувствовать себя эдаким покорителем — хозяином места, оглядывая с высоты пейзаж, достойный кисти художника.

Путь по скале был простым и хоженным не один десяток раз — щель, тянущаяся с земли до самого верха. С закрытыми глазами, конечно, я преодолеть этот путь не взялся бы, но все упоры для рук-ног известны, а движения привычны.

Трудное в подъеме место лишь одно — нужно подтянуться, встав на носочки, и зацепиться левой рукой за удобный выступ скалы. Потом поднять ногу повыше, упереться и продолжать восхождение. Все. Это единственное по-настоящему опасное место. И этот выступ был надежен, безопасен и удобно обхватывался четырьмя пальцами.

Позже я раз за разом возвращался к этому несчастному выступу. Вертел произошедшее со мной так и эдак, пытаюсь понять, как монолитное тело скалы вдруг позволило отломить от себя кусочек именно в тот момент, когда он был моей единственной опорой.

Не было ни хруста, ни киношного размахивания руками, ни воплей. Продолжая удерживать отколовшийся камень в

ладони, я беззвучно и бесконечно долго летел спиной вниз к земле.

Дурацкая мысль: «Конец спиннингу!» — крутилась, все ускоряясь и ускоряясь в голове. Удар. Выбитый из тела с дыханием воздух. Боль. Темнота...

Темнота отступает. Перед внутренним взором хороводят красные и оранжевые круги-всполохи. С трудом открываю глаза.

Бескрайнее голубое небо. Гладкое полотно скалы. Склонившиеся надо мной люди. Двое. Пожилой мужчина и какой-то малолетка.

— Диду... — шепчут мои губы. — Брат...

Мои губы?..

В поле зрения оказывается рука. Худая детская рука с полукружиями грязных ногтей и ссадинами на ладони.

Моя рука?..

— Кто я?

— Ултер, — сразу пришел ответ.

— Где я?

— Дома, — ответил тот же мальчишеский голос, робкий, готовый вот-вот сорваться в плач.

Склоненные люди что-то говорят, спрашивают, но понять это можно только по шевелению губ. Внутри головы лишь тонкий звон.

Я с трудом огляделся вокруг, тяжело ворочая головой, и дополнил картину с гладкой скалой и небом. Горы, горы, горы. Горные пики с заснеженными шапками вдаль и поросшие густым ельником склоны вблизи.

И еле слышимый запах сероводорода, столь неуместный здесь и сейчас. Едва я почувствовал этот запах, как мальчишка внутри меня (или мальчишка вокруг меня, если я внутри него?) успокоился. От него пришла теплая волна спокойствия и умиротворения. Теперь уже сам мальчишка, хозяин тела, целенаправленно скосил глаза и уставился на темный провал в скале. Бог ты мой! Это же вход в пещеру! И насколько можно судить, в огромную пещеру!

— Мать Предков, — прошептал он. — Утренний Свет, Тропа Надежды... Лоно Матери... — Силы у нас обоих кончились, и рука, указывающая на пещеру, упала на землю.

Наши с мальчишкой спутники переглянулись. Глаза у них были круглыми. После приступа с хороводом ярких искр перед глазами стариков стало уже двое. Они подняли меня. От резкой боли, ослепившей все тело и взорвавшейся в пояснице, я начал ругаться. Словно сквозь вату, я слышал писклявый детский голос, произносящий родные для меня и чужие для него матерные трех-, четырех-, восьмиэтажные словесные конструкции.

Но вот солнечный свет перестал быть таким ярким, над нами оказался свод пещеры. Как только меня-нас опустили на землю, я-мы вновь отключился.

Олтер

Как все-таки здорово, что отец нас отпустил вместе с диду на подготовку Дня середины лета! Уху нам дядька Остах сварит вкуснющую! Ее никто, кроме него, в наших горах не сделает! Подумав об ухе, душистой, обжигающе-горячей, мальчик невольно сглотнул слюну. Хорошо с дядькой Остахом. На занятиях семь шкур спустит и врезать может, но это для дела... Для дела и потерпеть можно, так ведь?

А уху у нас в горах не знают. Мы — горцы, а горцы, всем известно, рыбу не едят. Дядька Остах же не горец. Он рыбак, мастер половить рыбку в мутной воде. Ага, это он сам про себя так говорит.

Мы с братом раньше тоже рыбу не ели. Носы воротили, когда дядька при нас ее ел. Вонючая, говорили ему, невкусная. Вот тогда нам Остах по секрету и рассказал, что дедушка, дан Эндир, «трескал рыбу, аж за ушами трещало». А наш дедушка был горец — о-го-го! Про него все знают. Кого ни спроси в горах, все про дана Эндира Законника слышали. Только про то, что он рыбу ел, знаем только мы и дядька. Так что это секрет.

Уху мы тоже втайне будем кушать, чтоб пастухи не увидели. А то слухи пойдут, что наследники рекса — рыбоеды и

что честь даипову роняют. И диду, если увидит, опять ругать будет дядьку Остаха. Они всегда, как друг с другом встретятся, переругиваются. Не зло, а так, по привычке. Но постоянно. Только при нашем отце хорошо себя ведут. Отец, дан Рокон, молодой для них, в сыновья годится. Но они все равно при нем помалкивают, пока не спросят. У нашего отца не забалуешь. Дан — хозяин всех гор вокруг, сами должны понимать...

О чем я? Да, сколько раз мы уже с Ултером на Дне середины лета были... Ултер — это мой брат, Младший. А я — Олтер. Я — Старший. Это нас так дед назвал, Эндир Законник. Олтер и Ултер, Правый и Левый. Мы близнецы, похожи друг на друга как две капли воды. Нас только дядька Остах и различает. И Байни, кормилица наша. Даже отец путает. Остаха спрашивают: «Как ты узнаешь, кто есть кто?» А он плечами пожмет и говорит: «Чего уж проще. Один — задира, другой — тихоня». «Задира» — это он про меня...

Так вот, на празднике Дня середины лета, когда Мать Предков благодарят, мы с Ули всегда были, ни разу не пропустили. Но сегодня — особый случай. Чтобы заранее приехать, отдельно от всех, да еще и переночевать на Коленях у Матери Предков — такое в первый раз... Мать Предков — это наша родовая гора, из ее лона наш даип вышел. Только это очень давно было. А Колени Матери — это большой луг перед горой. Еще там горячие источники есть с тухлой водой и река протекает. Красота!

Диду должен все приготовить, чтобы праздник хорошо прошел и Мать Предков довольной осталась. Тогда урожай хороший будет, овцы хорошо котиться будут. Поэтому мы и едем заранее: пастухов проверить, на жертвенных ягнят посмотреть, костровища пересчитать, дрова прикинуть... Много дел у танаса перед праздником. А мы пока с братом искупаться успеем. Вспомнить бы, где купаться лучше — выше от Коленей или ниже? Эх, Ули бы спросить, да никак. Вроде и рядом, вон на коне покачивается, по сторонам головой мотает. Спросишь — диду с дядькой услышат и мигом обломают. Туда не ходи, это не трогай...

Я посмотрел на лицо диду. Строгий. И Ули на одной лошади с ним, спереди. Сам-то я еду с дядькой Остахом. Вот тоже несправедливость. Кони у нас с братом есть. Свои, личные — отец подарил. И в седле держимся хорошо, и охлюпкой... А наверх не пускают. Тем более к Матери Предков. Отец так и сказал: «Там тропа — одно название». Но тут отец прав. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Везде тропа как тропа, а в одном месте висит вдоль скалы над обрывом, как нитка. Слева скала впритирку, лишь бы колено не ободрать. А справа пусто: туманы и облачка. А вниз, за туман, я не смотрел. Нет, не боялся. Просто чтобы голова не закружилась. Дядька вел в поводу лошадь, а я обнял ее за шею и уткнулся в гриву. Слышу, диду сзади говорит:

— Хорошо ветра нет, летели бы сейчас до самого моря.

Я, потихоньку ведя взглядом по скале, обернулся и посмотрел назад. И от злости аж замер. И губу прикусил. Вот почему так? Ултер ведь и младший, Левый, и на ножах слабее, и на мечях... На мечях, правда, чуть-чуть совсем. Но на кулаках точно слабее. И трус! Вот отдадут меня, старшего, совсем скоро *туда*, и как он один — такой трус — останется?..

При нечаянной мысли об отъезде я загрустил. И разозлился еще больше. Трус и есть! Как в темный сарай собрались ночью лезть, так разревелся. И на чердак не полез летучих мышей гонять... Но вот стоит ему, как диду говорит, любопытный свой нос наострить — так все. Не удержишь. Вот и сейчас где тот трус? Сидит, головой крутит, рот раззявил. Все ему интересно. И за лошадь не держится. Вот и от диду ему по макушке прилетело, чтобы в чувство пришел.

Так же и с тем орлом было: подкараулили его охотники, сбили стрелой. Чтоб ягнят больше не таскал. Орел громадный, страшный, по земле катается, бьется. А Ултер уже к нему бежит. Орла только добились, а брат уже и разрешения спросил, и крыло орлу ножом отпиливает. Носился он с этим крылом, перья все расправлял... Пока оно не завялось и вшей мы не подцепили. Ох и влетело нам тогда от отца... А когда нас наголо обрили — еще и я от себя добавил...

Как над обрывом пробрались, так и тропа вниз пошла и дышать и ехать сразу веселей стало. Потряслись мы еще чуток, и все. На месте!

Вот он — заповедный луг. Как на нем очутился, можно говорить — на Коленях. Или на Коленях Матери Предков. Вот и сама Мать Предков. А вон вход в нее, это Лоно Матери. Что такое лоно, отец нам тогда не объяснил и диду отмахнулся. Только дядька Остах развеселился: как корешки свои отрастите, так и узнаете, что за лоно, теплое да мокрое. Странные они люди, эти взрослые...

— К источникам ни шагу! — уходя навстречу пастухам, бросил диду.

— Ага. И к реке не вздумайте. И с Коленей ни шагу, — доставая свой заплечный мешок, добавил дядька Остах. Поглядев на нас, он рассмеялся. — Вечером искупаемся. Сейчас никак, вы же мне всю рыбу разгоните, неугомонные. Так что вечером, все вечером. Держите вот. — Всучив нам большую краюху хлеба, два вареных яйца и кусок сыра, он пошел вниз по течению речки.

Сейчас лето, дожди еще не пошли. Поэтому мелко, и вода весело булькает меж влажных камней. Внизу речка разливается среди них, как на блюде. Есть такие места между камнями, где вода с весны стоит и так нагревается! В них купаться — самое то. Дома внизу такого нет. Джюра от дома близко, но течение сильное, вода глубокая и такая холодная, что в любую жару пьешь — и зубы ломит.

Вот и верь после этого взрослым. Они слово отцу дали, что будут слушаться? Дали. А слово сыновей дана Дорчаринан надо держать!

— К реке не ходи — вода холодная, утопнешь. К источникам не ходи — вода горячая, сварисься. И где справедливость? — возмутился я.

— Айда к Лону.

— К Лону Матери? С ума сошел? Туда ж нельзя...

— Внутрь — нельзя, — серьезно кивнул Ули. — А снаружи, рядом, — можно.

— Ну, если рядом... — неуверенно протянул я, — тогда пошли.

И мы пошли. Тогда-то это все и случилось...

Мы шли вдоль гладкой скалы, к пещере, и вдруг брат крикнул мне: «Смотри!» — и показал наверх. Я поднял голову и увидел сороку, которая, смешно взмахивая хвостом и хлопая крыльями, пролетела над нами. А потом опустилась прямо на скалу, в одну из расселин. Вся скала была в таких расселинах и неглубоких трещинах. В одну из них она и села. Наверное, там у нее гнездо. Снизу же не видно. Вот и Ули так подумал.

— Знаешь, почему сороку воровкой называют? — спросил меня брат.

Я пожал плечами. Что тут отвечать — раз воровка, значит, ворует.

— Сороки как увидят блестящее, сразу хватают и к себе в гнездо тащат. Даже, говорят, сокровища у них находили. — У брата аж глаза загорелись.

Вот тут гадский подземный клибб и дернул меня за язык.

— Ага, — говорю, — скажи еще, что у нее там имперский золотой спрятан.

Я как про Империю сказал, так и расстроился. Опять об отъезде вспомнил. Словно больной зуб языком потрогал. А Ули-то слабее меня, привык, что мы везде вдвоем. А теперь один будет. Вот я и решил: чтобы он сильнее стал, надо его на скалу загнать. От этого руки сильнее становятся, я знаю. И стал его подначивать.

— Тебе же до гнезда все равно не добраться, — говорю, — руки слабые. А имперский золотой — это же куча денег!

У брата и так глаза горели, а как он брови по-особому нахмурил и подбородок выпятил, я сразу понял: все. Его теперь лавиной не сдвинешь.

Он сандалии скинул и полез босиком. Сначала по одной трещине, она вбок немного уходила. Потом по другой. Гляжу, он все ближе и ближе. И сорока тоже увидела, застрекотала громко, завозмущалась и улетела. А расщелина закончилась. И Ули надо было ногу поглубже засунуть, упереться и рукой до верха дотянуться. И вот он вытянулся, схватился за уступ. Держится за него, ногу стал вытаскивать, и тут у него

из-под руки что-то темное вылетело, как мокрая тряпка, и медленно падает. А я на эту тряпку гляжу. А она чавкнула и об землю... Смотрю, а это мох. Поднимаю глаза — а Ули уже падает. Спиной вперед и руками размахивает. Мне сначала страшно стало и ноги отнялись. А потом я рванулся — брат медленно-медленно падал, только воздух вдруг такой плотный стал, как вода. Я и не успел его поймать.

Я даже не помню, как закричал. Потом рассказывали, что очень громко. Сказали, эхо гулять начало. Так что все, кто был рядом, услышали.

Я на Ули смотрю — он лежит, глаза закрыты. Не шевелится, кровь не течет. А я боюсь до него дотронуться. И тут меня сзади за волосы ка-а-ак схватят. У меня слезы брызнули. Это диду подбежал. То есть танас Гимтар. Он тоже испугался — лицо у него белое стало, а губы синие. И кричит: «Что? Что с ним?» Как будто не видно. Я и говорю: «Сорвался» — и рукой на скалу показываю, чтобы понятно стало.

Тут меня диду отпустил, и из него как будто воздух выпустили, только и сказал: «Я же говорил...» А чего говорил? Ничего не говорил. Про то, что по скале нельзя залезать, уговора не было! Но я ему про это не сказал, конечно.

И тут смотрю — у брата глаза зашевелились. Глаза закрыты, но шевелятся, как во сне. Я и вскрикнул. Тут Ули глаза и открыл. Я даже испугался — он смотрит и не видит никого. А потом на меня посмотрел, на диду — и не узнает никого. Плохой такой взгляд, как чужак из-за угла выглянул. Никогда такого взгляда у брата не было. А он вдруг и говорит: «Диду, — и руку поднимает. Правую. — Брат». А потом спрашивает: «Кто я?» Я говорю: «Ултер». А он: «Где я?» Я опять: «Дома». И заплакал.

Антон

Конфликта личностей не случилось. Какие личности — такие и конфликты, так сказать. Куда же десятилетнему парнишке против моих почти сорока! Его мир — яркий, цельный, насыщенный, полный детских переживаний и открытий — я принял разом, целиком, одним тяжелым фай-

лом. В моей жизни появилось еще одно детство, параллельное тому, земному. О том, что моя прошлая жизнь тоже станет еще одним файлом, я старался не думать.

Ултера выручило религиозное сознание. И детская пластичность психики, конечно. В мое сознание парень булькнул как в омут с головой. Но ничего, выплыл. Как увидел священную гору предков — так и успокоился. Воля Матери Предков. Бояться нечего.

Так что последующее горение, сменяющие друг друга периоды памяти и беспамятства, осознанности и бреда — это уже был продукт моей личности. Кроме того, психосоматика почти полностью отключила тело. Навредить себе или окружающим я был не в состоянии.

Даже многие годы спустя, обладая самой разнообразной информацией об этом новом мире, я мог только догадываться, как легко история страны — и даже нескольких стран — могла пойти иначе, если бы близкие Ултеру люди поступили бы чуть по-другому.

Наше близнецовое будущее было рассчитано, вымерено и вплетено в определенную канву событий. Десятилетиями планы просчитывались и корректировались. И мое падение — наше падение — все это разрушило. Во всяком случае, так тогда показалось всем, кто в эти планы был посвящен.

Гимтар

Не люблю я тот день вспоминать. Седых волос тогда у меня вдвое против прежнего прибавилось, не меньше. Мне тот крик полгода уснуть не давал, в ушах стоял. Подбегаю, смотрю: лежит. Крови нет, без движения. Кто из них — Правый или Левый — понять не могу. Кто их, клиббов мелких, разберет...

Как Ули в себя пришел — плохо помню. Только мысли хороводом по кругу скачут, одна за другой. «Плохо, плохо. Как не вовремя. Как не вовремя», — как будто такое вовремя случиться может. И тяжелые мысли, плохие, неправильные. «Калеккой будет? Или дураком станет? Плохо, плохо... Как не вовремя. И Хранители все придут. Лучше бы

Оли...» От этой мысли паскудной мне совсем плохо стало. А тут Остах прибежал. Задыхается, в правой руке прут с двумя рыбинами нанизанными сжимает. Я как этих рыб проклятых увидел, так меня волной накрыло. Бросился на этого рыбоеда и кинжал вытащил.

Если бы Оли в ноги не бросился — порезали бы мы друг друга. Только плач и всхлипы нас и остановили. Разом опомнились. А Правый все остановиться не может, только всхлипывает и повторяет: «Ули, Ули...»

Мы с Остахом смотрим: Левый лежит, глаза открыл, в лице ни кровиночки, смотрит на Мать Предков и повторяет:

— Воля Матери. Лоно Предков. Лоно Матери.

И так по кругу. Мы с Остахом переглянулись, руки под Ули подсунули, подняли. Он вскрикнул. Глаза распахнул — а взгляд не его. И на чужом, незнакомом языке замолотил. Голосок прежний, писклявый, а как будто руганью лается. Потом лицо опять поменялось, и снова:

— Лоно Матери. Лоно Матери.

Мы и понесли. Что уж тут. Сколько смерти в лицо ни смотри — больше одного раза не умрешь. О том, проклянут ли нас Хранители за то, что покой Матери нарушили, не думал. И о том, казнит ли нас за сына Рокон, тоже нет мыслей. Словно заговоренные идем с Остахом и несем парня. А только в пещеру зашли — замолчал Ули. Лицо разгладилось, дыхание глубокое, спокойное. Положили мы его, а Остах и говорит:

— Ты иди, я здесь побуду. Посижу с ним. Я же рыбоед.

Я на него посмотрел — а у него кукан с рыбами в руке так и зажат. Получается, он с рыбой в Лоно зашел и все заветы Матери похерил. Ну дела... Мало нам трудностей с Левым — теперь еще и с Остахом... Хродвиг на него, чужака, давно зуб точит. Пришла беда — отворяй ворота.

Олтер, Старший, Правый

Тот долгий день я хорошо помню. Вчера вечером, после того как Ули упал, я только плакал. Как маленький плакал, пока не уснул. С утра просыпаюсь — лежу на кошме у горя-

чего источника, шкурой укрытый. Рядом один из пастухов. Увидел, что я проснулся, кивнул мне, поднялся и ушел.

Не успел я встать — подходит диду, танас Гимтар. Глаза красные, под глазами темно — ночью не спал. Мне стыдно стало, что я всю ночь продрых, пока Ули... На глаза навернулись слезы.

— Не реви... — прохрипел диду. Потом прокашлялся и повторил: — Не реви.

И протягивает мне кружку с горячим отваром. И хлеба кусок с брынзой.

— Теперь ешь и слушай. И запоминай, — голос у диду уставший, но очень строгий. — Ули жив и жить будет. Так Остах сказал. Он человек опытный, я ему верю.

Я даже своим ушам не поверил. Вчера с ножом на дядьку кинулся, а сейчас так хорошо про него говорит...

— Так он его вылечит? — спросил я.

— Нет, не вылечит. Тут специальный человек нужен, врачеватель.

— Но они же только в Империи живут!

— Правильно мыслишь, — кивнул танас. И наклонился ко мне, крепко взял за ворот и притянул к себе. И долго на меня смотрел. Я таким диду никогда не видел, мне даже страшно стало. Я слышал, что его многие боятся, но не верил.

Теперь верю.

— Что ты готов сделать, чтобы брат выздоровел? — вдруг спросил диду.

— Все! — крикнул я. — Хоть сам со скалы упаду!

— Дурак, — сказал диду. И стукнул меня по голове. — Дурак.

И улыбнулся. Я как его улыбку увидел, сразу перестал бояться. И вспомнил, что танас Гимтар самый умный человек в горах Дорчариан. Умнее его только дедушка Эндир был, но он умер. А раз диду улыбается, значит, придумал, как Ули вылечить.

— Со скалы падать — дело нехитрое. А хитрое — это как Ули к врачевателю отправить. Ведь в Империю-то ты должен ехать, в Школу наместника.

— Так давай Ули вместо меня отправим, — вскочил я.

— Тихо! — рыкнул на меня диду. И усадил обратно. — Не кричи. Разговоры наши тайные, и слышать их никому нельзя.

— И рассказывать никому нельзя?

— И рассказывать, — серьезно кивнул диду. — Кому надо, я сам расскажу.

— Отцу? — спросил я.

— Дану — в первую очередь, — опять кивнул диду. — А Ули мы отправить не можем. В нашем с Империей договоре прописано: отпускать в Империю наследника на обучение и проживание. А наследник у нас кто?

— Я, — сказал я и огорчился.

А диду замолчал и внимательно так на меня стал смотреть. Но не тем, страшным взглядом, а обычным. Смотрит — и ждет от меня чего-то. Чего ждет? Он же взрослый, еще и самый умный в горах. Диду, видимо, сам это понял и вздохнул.

— Врачеватели живут в Империи, так?

— Так, — кивнул я.

— Ты через две седмицы должен отправиться в Империю, учиться в Школе наместника, так?

— Так, — согласился я. И немножко расстроился.

— О том, кто упал со скалы, знаем только я, ты, Ули и Остах, так?

— А пастухи?

— Они знают, что упал один из сыновей дана, а который — не знают. Вас же даже отец родной отличить не может.

И тут я понял. И заулыбался. И только хотел закричать, но диду рукой закрыл мне рот. И глаза у него опять стали строгие-строгие. Как у него такие разные глаза получается делать?

— И запомни. Это теперь самая главная наша тайна. Храни эту тайну ради брата! Теперь ты — Ултер Младший. А в пещере лежит Олтер Старший.

Остах

С рыбой я, так или иначе, всю жизнь хороводился. От рыбы, судя по всему, и помру. Родился в рыбацкой деревушке, в провинции Атариан. Сызмальства с отцом в море ходил. После одной памятной встречи в море помимо рыбы стали и еще кое-что возить. Для добрых людей. В обход порта, конечно. Но так, по мелочи. А хотелось большего. Норов у меня всегда был горячий.

Сговорился я с «добрыми людьми» и в один чудесный день уехал из деревушки в Арраин. И сам стал «добрым человеком», как мы сами себя называем. Империя нас не жалуется, называя преступниками. И контрабандистами. Лет сто назад кого ловили — вешали, в назидание остальным. Потом тогдашний император посчитал такое слишком расточительным, и нас стали продавать в рабство. И других преступников тоже.

Вот и меня ночью прямо с бабы сдернули — и в яму. Нашлась сволочь, в открытую против меня не посмел, а дорожку я ему перешел, — вот и сдал меня страже, багор ему в глотку.

Вот тогда я Эндир и встретил. В столице провинции, в Атриане. Приласкал слегка кандалами... С ручными-то оковами ночью перед торгами справился, а с ножными — ржавыми, страшными — не успел. Времени не хватило... Я ручные обратно накинул для вида и пошел, куда повели. На площадь. Ну а там, как только ножные сняли, — распорядителю по башке двинул и бежать. И влетел прямо в лошадь, разогнался слишком. Эндир потом, правда, говорил, что нарочно лошадь у меня на пути поставил... Но это... Дело давнее.

Влетел я в эту лошадь со всего маху, а всадник на меня сверху кинулся. Я и его кандалами попытался приголубить, да куда там. Спеленал меня, как ребеночка малого.

Я уж думал — все, отбегался. За нападение на благородного рабством уже не отделаешься. А он меня взял и выкупил. А вечером и освободил. «Я, — говорит, — тут сам пленник. Так что мне пленников не с руки плодить». А потом как-то все завертелось, что стали мы вместе работать, дела

всякие проделывать под носом у Империи. Когда он в горы вернулся и меня с собой взял.

И как так случилось — седмицы за две до смерти — мы как раз дела подбили, подошли к окну. А на лужайке Правый с Левым носятся, деревяшками машут. Им тогда уже семь исполнилось. Поворачивается ко мне — лицо светится. Счастливый человек. А дан Эндир Законник — он был такой... Сложный человек, большой... Да, большой человек он был. Я с ним и в ночных поножовщинах в Империи спиной к спине резался, и бордели мы с ним все облазали. И в войнах я его спину берег. И рядом был, когда он сына новорожденного водой из священного источника омывал... Много было промеж нас. Но таким я его прежде не видел.

— Спасибо тебе за внуков, Остах. И впрямь пацаны на меня похожи... Плохие из нас родители... Когда б не ты...

Не говорили мы на такие темы никогда. А тут вдрут начал. Чувствовал что-то?

— Ты мне сбереги парней, Остах, — попросил он тогда.

А это надо знать, кто такой дан Эндир Законник, который за двадцать лет лаской и таской всех соседей привел под свою руку, чтобы оценить. Оценить просьбу — не приказ. Я даже говорить тогда ничего не стал, кивнул только. А через пару седмиц дана не стало.

Ули на лежанке овечьих шкур еле слышно застонал и опять заговорил. Не по-нашему. И интонации не его.

Вот это меня по-настоящему пугало. И этот мутный в беспамятстве чужой взгляд Ули. И чужой язык. Этим я не стал делиться даже с Гимтаром, старым лисом. Этот горец, веслом ему по темени, уже все решил. Наследника от имперцев увел, а им увечного подсунул. Ну не сука?!

Хотя... Злюсь я, злюсь и бешусь. И не прав — правильно все танас решил. И лицо у него было дерганое, измученное, когда он мне про новые расклады сообщал. Переживал.

А когда я поднялся, в пещеру уходить, Гимтар спросил:

— Ты что с рыбой сделал?

Я пожал плечами. Что сделал? Она же потрошенная уже, а в глубине пещеры в закутке небольшой ледничок нашел-

ся. Туда и положил. Так ему и ответил. А он в ответ кивнул и сказал:

— Готовься.

А чего тут готовиться? Суд Хранителей — он и есть суд. От прошлого суда и рабства Эндир меня освободил. Теперь некому. За такое святотатство — затащить рыбу в Лоно Матери — старый Хродвиг казнит и глазом не моргнет.

***Олтер, который теперь Ултер; Старший,
который теперь Младший***

Праздник середины лета начался. На Колени Матери выходили женщины с венками цветов на головах. Они кружились и весело распевали песни.

Я стоял рядом с танасом Гимтаром и ждал отца с Хранителями. Диду сказал, что завтра он послал навстречу отцу пастуха с запиской. Так что дан Рокон уже все знает. А мне крепко-накрепко теперь надо помнить: я — это Ули. Я — Младший. А Старший — Олтер, скоро поедет в Империю, где живут врачеватели. И они его вылечат.

После поющих женщин показались всадники. Сразу за ними, в крытых повозках — Хранители. А уже после них появилась знаменитая повозка Хродвига — самого старого Хранителя. Все в горах называли ее домом на колесах — это один из охотников придумал, когда увидел, как старый Хродвиг в ней на ночлег устроился. Говорят, внутри повозки все коврами и мягкими подушками устелено! Вот бы в ней прокатиться! Про эту чудо-повозку даже песенка была, и мы с Оли тоже громко пели ее вслед Главе Хранителей:

Скрип-скрип!
Дом на колесах скрипит,
Слышишь?
Скрип-скрип!
Правосудие не за горами!

Только взрослые почему-то появлению Хродвига обычно не радовались. Может, потому, что охранников его черных боялись? Ултер присмотрелся к пятерке воинов рядом

с домом на колесах. Бородатые — аж глаз не видно, — в черных бурках, черных шароварах и на черных конях. Сам Хродвиг тоже всегда в черной бурке — и зимой и летом. Другие Хранители нарядные. У одного пояс с вышивкой, у другого ворот рубахи расшит.

Наконец дом на колесах остановился, возница вытащил из-под днища лестницу и открыл дверцу. Я моргнул и увидел, как из-за повозки отец появился. И как я его раньше не увидел? Таким спокойным отец никогда не был. Только вот зачем-то за рукоять меча держится. Я почувствовал, как рядом вздрогнул диду.

Конные приблизились и спешили. Отец чуть кивнул мне, подошел и встал рядом. Седые Хранители встали полукругом напротив. Ровно посередине и прямо напротив нас стоял Хродвиг. Он был такой старый, что постоянно ходил с посохом, с какими обычно ходят пастухи.

— Мы видим только одного твоего сына, дан Рокон. И я спрошу тебя: где сын твой, дан Рокон? — спросил Хродвиг.

Голос у него был на удивление громкий, не старый.

— В Лоне Матери, — так же громко ответил отец.

Все вокруг притихли, а потом поднялся шум. Но Хродвиг пристукнул посохом и крикнул:

— Тихо!

И все замолчали.

— Как это случилось? — опять спросил Хранитель.

И тут вперед вышел танас и начал рассказывать. Диду Гимтар рассказал им, как все было. Только нас с братом по имени он ни разу не назвал. Один упал, другой стоял рядом. А вот про то, как Ули про волю Матери Предков говорил, долго рассказывал.

— Это верно, что он говорит о воле Матери? — спросил Хродвиг и посмотрел на меня. У меня от его взгляда мурашки по коже побежали. Я посмотрел ему прямо в глаза и кивнул.

— Я спрошу тебя еще, дан Рокон. Верно ли, что Остак, прозванный в народе рыбоедом, был в Лоне вместе с твоим сыном? — Хродвиг опять повернулся к отцу.

— Верно, — сказал отец. — Был рядом.

— Мы хотим видеть его.

Откуда-то сзади вышел дядька Остах и встал между нами и Хранителями. И тут мне стало страшно. Я понял, что это и есть тот самый Суд Хранителей, про который нам рассказывал Гимтар.

— Верно ли, что ты пронес в Лоно Матери рыбу, тобой пойманную?

— Верно. Но в том не было умысла и произошло невольно, — ответил дядька.

Он стоял, слегка согнувшись и выставив вперед левую ногу. В такой стойке он учил нас с братом на ножах драться!..

— Где сейчас эта рыба?! — выкрикнул кто-то из Хранителей.

Остах сгорбился и качнул головой:

— Там же. В Лоне.

Вот тут уже крик и гомон поднялся такой, что успокоили всех не сразу.

— Принеси ее.

Остах пожал плечами, повернулся и пошел к Лону. Опять поднялся шум, но он зашел в пещеру и почти сразу же вышел. В руках он нес прут с нанизанными двумя рыбинами. Подошел прямо к Хродвигу и протянул ему. Главный Хранитель не взял рыбу, только наклонился и осмотрел. Сморщил нос и велел Остаху:

— Жди, — и Хранители отправились совещаться к священному источнику.

Отец негромко спросил дядьку Остаха:

— Что с сыном?

Остах, чуть повернув голову, ответил:

— Все так же в беспамятстве. Но дергает руками и ногами, так что не поломался, дан.

А дальше началось самое трудное. Надо было просто стоять и ждать. Вот я увидел, как Хранители подозвали одного из пастухов, а потом он пошел от них к костру.

Наконец Хранители вернулись от священного источника. Старый Хродвиг в полной тишине спросил:

— Что ты намеревался сделать с этой рыбой?

— Съесть! — крикнул Остах.

Голпа загудела.

— Сырой? — усмехнулся Хродвиг.

Дядька не ждал этого вопроса. Он буркнул в ответ:

— Сварить уху. Ну, рыбный суп.

— Вари, — кивнул Хранитель. И показал посохом на ближайшее кострище, где уже развели костер.

Отец с танасом Гимтаром переглянулись. Как и я, они не поняли, что решил Суд.

В полной тишине дядька Остах, насвистывая что-то себе под нос, варил уху. Мы с братом много раз видели, как это делается, поэтому было неинтересно. Но все остальные смотрели не отрываясь. И вот он последний раз посолил и снял котелок с огня.

— Готово! — повернулся он к стоящим чуть поодаль Хранителям.

Старый Хродвиг подошел к дядьке Остаху. В одной руке тот держал котелок, а в другой — деревянную ложку. Хродвиг вытащил из руки Остаха ложку, зачерпнул ухи, подул... И съел. Передал ложку следующему Хранителю, и тот проделал то же самое. И так по очереди, один за другим, все Хранители попробовали ухи.

Когда последний Хранитель отдал ложку дядьке, Хродвиг громко, чтобы все слышали, сказал:

— Воля Матери Предков такова: запрет на рыбу отменен. Мать Предков разрешает дорча есть рыбу. Тем, кто захочет.

А ухи я в тот день так и не поел.

Рокон

— Ты точно все решил? А если тебя узнают? Если встретит кто из прежних дружков?

Остах сидел рядом с Гимтаром на одной скамье. Три чаши вина и нехитрая снедь на столе. Все предпочитали можжевеловое пиво, и именно поэтому дан велел принести вина.

— Большинство моих знакомых уже на том свете. Да и лет сколько прошло... Отпущу бороду, надену эту вонючую бурку...

На этих словах танас вскинулся, а Рокон пристукнул по столу. Спорить и ругаться эти двое могли с утра до вечера, если их не остановить. Обычно эта ругань извилистым путем приводила к простым и внятным решениям. Но сейчас не тот случай да и времени нет...

— Язык я давно выучил, так что буду горцем...

Гимтар язвительно хмыкнул, но ничего не сказал.

— Не могу я парня одного отправить, рекс...

Рокон поморщился. Рексом в горах его звали только Остах и Алиас Фугг, Голос Империи. Который, к слову, уже присылал на прошлой седмице корзину персиков. Персиками накормили свиней, а намек поняли: Империя о договоре не забыла и о минувшем десятилетии наследника помнит. Помнит и ждет. Остах тем временем продолжил:

— Я твоему отцу, рекс, обещал присмотреть за парнями, но разорваться надвое не могу. Потому одного оставляю на вас, а за вторым присмотрю сам. Со мной, если что, ему и сбежать можно, и в местах тайных отсидеться. И тропами ночными через весь Атариан прокрасться. На цыпочках. И старый Хродвиг все-таки недаром меня к изгнанию приговорил. Езжай, мол, милый, с наследником в свою Империю и жри там свою рыбу...

— Про рыбу ты загнул, — опять влез Гимтар. — Теперь мы из-за тебя только одну рыбу и будем есть. Суп с потрошками? Мясо запеченное? Брынзы кусочек? Нет, рыбу подавай! Дожили! Дорча — рыбоеды, тьфу!

Рокон несильно стукнул ладонью по столу.

— Вам Суд Хранителей не нравится? — спросил он. — Хродвиг тебе не гож? Он себе на горло наступил и Остаха не тронул. Понять бы еще, с чего такая милость...

— «Бывших рабов не бывает», — кивнул Гимтар, успокаиваясь.

— Вот. Столько лет мечтать добраться до Остаха, а тут... — Рокон махнул рукой. — И так все кувырком, а теперь еще и глава Хранителей...

Все задумались, и в комнате установилась тишина.

***Антон, который теперь Ултер,
который теперь Олтер***

Над деревянным бортом арбы монотонно мелькали спицы вращающегося колеса. Арба по самые борта была забитой соломой, а на пуховом тюфяке лежал я и пялился то в небо, то на мелькающие спицы колеса, то на спину Остаха, правившего мулом. Высоко в небе парил черной точкой орел. А я свое отлетал. Когда теперь встану? И встану ли?

В составе большого каравана мы ехали в Империю. И если для десятилетнего паренька это стало бедой и неожиданностью, то для меня, сорокалетнего, — спасением. Как бы ни пытался я затаиться в теле десятилетнего ребенка, несуразности все равно рано или поздно вылезли бы наружу. Конечно, оставался Остах, очень опасный дядька, то и дело кидавший на меня задумчивый взгляд. И эту проблему надо решать. И решать как можно скорее. Но как?

Спицы колес продолжали равнодушно отсчитывать на свой нехитрый манер преодоленный путь...

Пришел я тогда в себя в нашей с братом комнате, в вилле Эндир, летней резиденции отца. По правилам, вилла должна была именоваться виллой Рокон — в честь нынешнего хозяина. Но отец наотрез отказывался менять прежнее название. Перечить ему никто не смел. Вот и звали по-разному: вилла Эндир, летняя вилла, старая вилла.

Я открыл глаза, поднял руку и откинул тяжелую овечью шкуру, которой был укрыт. Было ужасно жарко и хотелось пить. Шкура сползла и упала на пол.

— Проснулся, — раздался голос брата. — Проснулся!

— Не ори, — одернул Олтера голос дядьки Остаха. Наставник склонился надо мной, вытирая мне пот со лба. — Как ты, парень?

— Пить... — только и смог просипеть я.

— Это сейчас. — Остах повернулся к глиняному кувшину, стоящему на столе. И велел брату: — Беги к отцу.

Шлепанье босых ног, звук откинутой занавеси и громкий удаляющийся крик: «Проснулся! Отец, брат проснулся!!!»

Остах приподнял меня и подсунул подушку под спину. Затем приподнял обеими руками под мышки и прислонил к стене. Придерживая голову, напоил водой вдосталь. Когда я напился, он спросил, внимательно глядя мне в глаза:

— Ты меня узнаешь?

— Да, дядька Остах, — кивнул я.

— Где мы находимся? — продолжал свой расспрос воспитатель.

— Дома, — ответил я. И уточнил: — На вилле Эндира.

У нас было два дома. Летняя резиденция и зимняя, в Декурионе, горском священном городе-крепости в глубине гор. Безрадостное место.

Остах удовлетворенно кивнул:

— Сейчас придет рекс. Кое-что расскажет тебе. Ничего не бойся. Я с тобой буду.

Услышал приближающиеся шаги, быстро сжал мне плечо и повторил:

— Я с тобой.

А потом убрал руку и отошел от топчана.

Занавесь, отделявшая комнату от входа в общее помещение, откинулась, и вошел отец. «Дан Дорчариан, повелитель и защитник племен алайнов, дворча, дорча, дремнов, гверхов, гворча, квельгов, терскелов», — всплыл в голове полный титул Рокона. Я отметил про себя, что мальчишка отца немного побаивался, но безусловно любил. Матери они с братом не знали, она умерла после родов, и воспитывались они родичами-мужчинами. Вслед за отцом вошел его советник — танас Гимтар, мой диду, то есть двоюродный дед.

Рокон подошел и сел на край топчана.

— Как ты, сын? — требовательно спросил он.

Вот дает папаша! Таким тоном приказы отдают, а не с малолетними детьми разговаривают. И попробуй на такой вопрос ответить правду — плохо мне, мол, папа. Мне страшно, я не знаю, что со мной...

Отец, не дожидаясь ответа, продолжил допрос:

— Ты узнаешь меня?

— Да, отец.

— Ты помнишь, что произошло?

— Я упал со скалы. Но я не помню, как оказался дома.

— Тебя привезли. Ты был в горячке. Говорил бессвязно и не открывал глаза.

И тут отец неожиданно ущипнул меня за ногу. Больно! Больно, черт тебя возьми, садист средневековый!

— Ай! — вскрикнул я.

— Хорошо, — кивнул Рокон. — Подними ногу.

Я попытался — сначала правую, потом левую. Ничего не вышло. Ноги были словно я отсидел их и не слушались. Отец нахмурился:

— Попробуй согнуть.

— Не получается... — Мальчишеский голос дрогнул, и я расплакался. И увидел, как Оли тоже молча глотает слезы.

— Перестань плакать. Не время, сын. Попробуй пошевелить пальцами.

Я попробовал. И у меня получилось! Я шевелил пальцами обеих ног и не мог остановиться! Слезы сразу высохли.

— Хорошо, — кивнул отец. — Остах говорит, ходить ты будешь. И бегать будешь.

— Так все будет, как раньше? — радостно спросил я.

— Нет. Как раньше, не будет, — мотнул головой отец. —

Сегодня ты уезжаешь в Империю.

Я увидел, как по красному лицу Оли опять потекли слезы.

— Перестань. Или выйди отсюда, — велел ему отец.

Оли сразу же вытер нос ладонью и постарался не плакать. Дан вновь повернулся ко мне.

— Сегодня ты уезжаешь. *Тебя*, — он выделил это слово, — уже два дня дожидаются посланник наместника, имперские купцы и прочая свора имперцев.

— А как же Правый?.. — растерянно спросил я, глядя то на отца, то на брата.

Отец наклонился ко мне и отдельно произнес:

— Теперь ты — Правый. Теперь ты — Старший. Теперь ты — Олтер. — Помолчал и добавил: — Понятно?

— Ничего ему не понятно, — встрял в разговор Гимтар. — И никуда он сегодня не поедет. Завтра.

— Но имперцы!.. — вскочил на ноги отец.

— Перетопчутся, — отрезал Гимтар, присаживаясь на освободившееся место.

На людях Остах и Гимтар во всем подчеркнуто слушались и никогда не оспаривали сказанного или сделанного их вождем, который был моложе их более чем вдвое. Однако с глазу на глаз они и спорили, и даже выговаривали дану.

Советник продолжил вразумлять своего правителя:

— И не дави так на парня, дан. Передавишь.

Диду повернулся ко мне, улыбнулся и тем тоном, каким обычно уговаривают капризных детей съесть «еще ложечку», продолжил:

— Так надо. Сейчас ты болен, ты упал. Повредил спину. В Империи, как ты должен помнить из моих уроков, есть врачеватели. Они поставят тебя на ноги. С тобой поедет Остах, — продолжал уговаривать больного танас. Я заметил, как при этих словах зло дернул уголком губ отец. — У нас... Ты же знаешь старейшин... если у сына дана неладно с ногами... — диду замолчал, пряча глаза. И закончил: — Так будет лучше для всех.

Да уж. Старейшины сел — ретрограды те еще. И если воин, который вернулся увечным с войны, довольно легко встраивался в горское общество — безногий тачал сапоги для тех, что с ногами, однорукый водил чабаном отары овец, то увечный сын вождя — совсем другое дело: несчастья, мор и отсутствие удачи в бою... Любой намек на физическую ущербность в семье властителя грозил отцу бо-о-ольшими неприятностями. Вот и придумали, как спихнуть калеку.

И долг перед Империей выплатить. Умники, блин. Взбесился я тогда, но виду не подал. Кивнул послушно:

— Так будет лучше, — повернулся к отцу. — Я понял, отец. Теперь я — Олтер, Старший.

Все замолчали. Отец посмотрел на меня, дернул уголком губ и сказал:

— Будем собираться. Вечером устроим пир.

Когда они с диду вышли, у меня из ушей уже пар валил. Если бы не Остах и брат, то натворил бы дел. Но, глядя на заплаканные глаза брата и его остановившийся взгляд, одернул сам себя. Вот у кого мир рушится! Я-то взрослый, перебежую, переиначу, переиграю всех и вся. Сдам карты по-новому. А вот брату сейчас туго. И мое падение, и сводящая с ума неизвестность после этого. Был Старшим — стал Младшим. Был Правым — стал Левым. С младых ногтей знал, что надолго уедет в Империю, будь она неладна, — а остается дома. И брата, больного, вместо него...

Да, парня надо спасать. Вдох-выдох. Поехали.

— Вот здорово!.. — натянув глупую улыбку, протянул я. Краем глаза увидел круглые глаза брата и продолжил игру: — В Империю поеду. Учиться. Там же книг в библиотеке!.. — со счастливым видом зажмурился я. — Все перечитаю. — Я нахмурился и повернулся к брату: — Ты же не обижаешься? Я не нарочно упал, честно.

— Конечно нет, — подбежал ко мне брат и вцепился в руку. — Ты и правда хочешь в Империю?

— Ага, — кивнул я с уверенностью, которую не испытывал. — Вернусь обратно самым умным. А ты здесь самым сильным должен стать. Понял?

Брат кивнул, а я продолжил:

— И на мечях лучше всех биться, и на топорах... Понял? И чтоб меня никто не забывал! — внушал я брату. Тот стоял и кивал с открытым ртом. Я, веселясь, закончил: — А кто слово про меня плохое скажет — ты тому мечом плашмя по заднице.

И брат наконец рассмеялся. Такая вот она, ложь во спасение.

ГЛАВА 2

Алиас Фугг

Алиас Фугг, приглашенный на пир в честь поступления наследника рекса Рокона, правителя земли Дорчариан, малолетнего Олтера в Школу наместника провинции Атариан — а именно так официально именовалась та пьянка, на которой он присутствовал, — чувствовал себя мерзко и тошно, словно утренним тоскливым похмельным утром.

Малолетний Олтер, правда, ни в атарианскую, ни в какую-либо другую школу еще не поступил. «Да и поступит ли теперь? — подумал Алиас. — И вообще, сможет ли просто ступить? Ступить по земле, например».

Алиас Фугг, Голос Империи в землях Дорчариан, главный имперский чиновник в горах на много дней пути вокруг, смотрел на полулежащего за пиршественным столом бледного, изможденного мальчишку, виновника торжества. И то, что он видел, ему не нравилось. Очень не нравилось.

Чувство обиды и злости, которое всегда возникало, едва он переступал порог этой виллы, при взгляде на увечного только усилилось. «Наследник рекса Рокона — калека. Внук Эндире Законника!.. Невозможно! Его что, хотят спрятать в Империи от соплеменников? Или, наоборот, подсовывают нам калеку? А что будет, если он не доедет до наместника? А что скажет Сивен Грис, увидев увечного? Какая ценность у такого неполноценного заложника? И чем это все грозит мне?» — эти и многие другие невеселые мысли одолевали имперского чиновника.

Начавшееся исподволь, незаметно от самого Алиаса — месяц, два месяца назад? — ощущение того, что под ногами не твердое тело гор, а зыбь болота, изводило его. И потому, когда пришло известие о падении наследника рекса Рокона со скалы, он даже облегченно воскликнул: «Вот оно!»

Вот он, ход противника! Конец этой вязкой тяготины и тишины перед землетрясением. Но нет, посланный нарочный вернулся с уверениями, что все произойдет согласно древним клятвам и уложениям, что наследник отправится в

школу. Последняя задержка добавила нервозности, но вот он — прощальный пир. И новые вопросы, чтоб их!..

Алиас Фугг, Голос Империи в землях Дорчариан, шутил, громко хохотал, провозглашал здравицы и принимал их, интересовался погодой и видами на урожай, рассказывал о погоде и урожае в Империи, травил байки и побасенки — словом, вел себя, как полагается человеку его статуса и положения: полудипломата, полусоглядатая, полуразведчика.

И, продолжая шутить, есть-пить, отвечать на вопросы и задавать их, про себя Алиас Фугг думал о другом: «Неужели я, обжегшись на молоке, дую на воду? Или с парнем что-то и впрямь нечисто и мои подозрения обоснованны?..»

Он ненавидел приходить сюда, но не мог не прийти, когда его приглашали. Таковы его должностные обязанности имперского чиновника. Для него до сих пор это место именовалось виллой Векса, а никак не виллой Эндир. Местом, куда он приехал когда-то молодым, одним из большой свиты, будучи всего лишь курьером, а уехал личным порученцем наместника провинции! Местом, где он совершил главную ошибку жизни. Местом его поражения. И краха своего покровителя.

Он помнил совсем другие пиры под этой крышей, совсем другие разговоры, совсем другую музыку. Хористки и танцовщицы приезжали сюда из сияющей Арны; борцы и кулачные бойцы, гимнасты, конники, лучники состязались за богатые призы; философы, астрономы, инженеры и прочий ученый люд искали здесь внимания хозяина дома и его гостей. Огромных крабов, осьминогов, морскую рыбу везли в закрытых ящиках, забитых льдом и опилками, через пол-Империи. На пиршественных столах стояла только серебряная посуда...

Да, он не сидел тогда напротив хозяина дома — на месте почетного гостя, но не сидел и у двери. В честь него тогда не звучали здравицы, и к нему не обращались с вопросами. Но...

Продолжая шутить и улыбаться, поддерживать разговор и заводит его, он смотрел на потолок, на стены и читал узоры и сети трещин, знакомые до последнего завитка, как раскрытую книгу. Он вспоминал...

Вилла Векса. Годы и годы назад

Когда-то давно Векса Кнея, сиятельного наместника провинции Атариан, Алиас боготворил. Алиас был маленький и видел Векса Кнея лишь издали. Пару раз. Но уже тогда он знал, что Векс Кней — *главный*. И что он, Алиас, с папой и мамой живет на земле Векса. И что для всех людей, кого знал маленький Алиас, этот человек был *главным*.

Тот день, когда он увиделся с наместником лицом к лицу, он не забудет никогда. Эту встречу устроил папа. Держа его за плечи впереди себя, как деревянную куклу на негнущихся ногах, отец привел его под ясные очи наместника. Папа — старший письмоводитель и архивариус — волновался, как сейчас понимал Алиас, не меньше своего малолетнего сына.

— Вот, сиятельнейший, — отец подтолкнул сына вперед, — это мой сын Алиас. Он уже умеет читать и писать. И если на то будет ваше дозволение, будет развивать свои знания в вашей школе, наместник. Вольнослушателем, конечно, — согнулся в поклоне отец. Замечание о вольнослушании, как много позже узнал Алиас, говорило о том, что денег на полноценное обучение сына у архивариуса не было.

— Учеником, Клай, учеником! — махнул рукой наместник. — Плохим бы я был чиновником, если бы такого сообразительного парнишку оставил вольнослушателем, так ведь? Тем более мальчика, что живет в моем доме! Глядишь, и вырастет тебе будущая смена, Клай. Будет на кого место оставить. Так что учись, парень, — и Векс Кней вновь махнул рукой, на сей раз показывая, что аудиенция окончена.

Ох уж этот знаменитый взмах *главного*! Повинуясь этому взмаху, возвышали и изгоняли, пороли и награждали, вешали, отрубали руки, осыпали золотом или заливали в глотку горячий свинец... По этому взмаху строились мосты и города, снимались с насиженных мест огромные массы людей, двигались армии и флоты. Этот знаменитый взмах мог означать как «быть по сему!», так и «все прочь!», как «слався в веках, мой друг!», так и «отрубите этому засранцу голову!».